

Александр Берензон

НИЛ ЯНГ
РОК-Н-РОЛЛЬНЫЙ КОВБОЙ

Александр Берензон

Нил Янг. Рок-н-рольный ковбой

«Издательские решения»

Берензон А. Л.

Нил Янг. Рок-н-рольный ковбой / А. Л. Берензон —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740136-8

Нил Янг — уникальный гитарист с весьма своеобразной техникой, композитор, поэт и исполнитель собственных песен, автор сценариев и режиссер-постановщик фильмов. Это один из интереснейших и в полном смысле слова культовых музыкантов современности. Он прошел по просторам самых разных музыкальных жанров, за что был прозван критиками «музыкальным хамелеоном».

ISBN 978-5-44-740136-8

© Берензон А. Л.
© Издательские решения

Содержание

Вместо введения	6
Начало: путь борьбы	9
Султаны рок-н-ролла	11
Солдаты Buffalo	13
«Летать по земле – неправильно»	15
Тени на склонах каньона Топанга	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Нил Янг

Рок-н-рольный ковбой

Александр Львович Берензон

Автор выражает бесконечную благодарность Петру Левину, Ольге «Сове» Гришиной, а также Виктору Петровскому и Екатерине Борисовой за неоценимую помощь в написании книги.

Издание второе, исправленное и дополненное.

«Мне не нравится, когда под новым соусом подается то, что уже когда-то было сделано. Нужно либо поставить точку, либо делать что-то другое. Поэтому я каждый раз начинаю все с чистого листа».

**Нил Янг, интервью журналу
«Rolling Stone», сентябрь 2003 г.**

Иллюстратор ПСМЛН

© Александр Львович Берензон, 2023

© ПСМЛН, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-4474-0136-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо введения

В истории рока, да и в современной рок-музыке Нил Янг занимает почетное – и особое – место. Уникальный гитарист с весьма своеобразной техникой, композитор, поэт и исполнитель собственных песен, автор сценариев и режиссер-постановщик нескольких фильмов, Нил Янг – один из интереснейших и в полном смысле слова культовых музыкантов современности.

Оригинальность и неповторимость Нила Янга, обеспечившая ему мягкое кресло в пантеоне создателей рок-истории, – прежде всего, в его творческой универсальности. Он никогда не ограничивал себя рамками одного жанра, исследовав на протяжении своей карьеры практически все известные направления в музыке. Он прошел по просторам самых разных (подчас – абсолютно несочетаемых) музыкальных жанров: от кантри, фолк-рока и рок-н-ролла до электронной музыки, панка (и его детища – гранджа) и хард-рока. В этом Нил схож со своим кумиром – и соратником, – великим Бобом Диланом, чей спектр охваченных жанров, однако, не так широк, как у Янга.

Его жизнь – это история парня из небольшого канадского городка, который приехал в Америку на старом катафалке (что само по себе более чем символично) в поисках славы и творческого самовыражения и добился всего этого, взамен получив череду смертей дорогих ему людей и разочарование в собственном окружении. «Ты платишь за одно, а тебе дают другое», – пел он накануне наступления панк-движения, которое, кстати, тоже вполне достойно пережил.

Это история музыканта, прошедшего через идеализм 60-х, разочарования 70-х, творческий застой 80-х и воскрешение 90-х и запечатлевшего в своих песнях, как в дневниковых записях, приметы пройденных эпох. История Нила Янга – это история рок-н-ролла. Рок-н-ролла, не увязшего в самопародии и не заостренвшего в рамках одного стиля, а умело ускользающего от всеперемалявающих жерновов истории и эволюционирующего самым замысловатым – и оттого необычайно интересным – способом.

«Ржавчина никогда не спит» («Rust Never Sleeps»), – так называется один из альбомов Янга, и эту фразу можно считать если не девизом музыканта, то чем-то вроде вечного напоминания, сродни «Memento mori» («Помни о смерти»). С самых первых шагов в музыкальном бизнесе он почувствовал на себе холодное дыхание подкрадывающейся Ржавчины, подкосившей не одного его близкого друга в расцвете лет и творческих возможностей. Под Ржавчиной можно понимать и наркотики, унесшие лидера группы Crazy Horse (которую Янг всегда считал своей лучшей «половиной»), и комплексы вперемешку с «раздувшимся эго», развалившие коллективы, в которые Янг пытался втиснуть свой оригинальный талант (правда, с переменным успехом) на протяжении всей карьеры, и многое-многое другое. Но даже эту разрушительную стихию Янг сумел подчинить и сделать движущей силой своего творчества. «Вся моя карьера основана на систематическом разрушении, – признавался он как-то журналистам. – Именно это и дает мне силы жить. Разрушь то, что ты делал раньше, и теперь ты свободен двигаться дальше».

Начав музыкальный путь в относительно успешной и оригинальной группе Buffalo Springfield, Нил, отведав затем славы в суперквартете Crosby, Stills, Nash & Young, выходит в открытый космос сольного творчества, и периодически – так же спонтанно, как и все в его жизни, – возвращается к коллегам по квартету ради непродолжительных музыкальных проектов.

На протяжении длинного пути рок-странника Янг переиграл со множеством музыкантов – от хриплого фолк-барда Боба Дилана до представителей молодой поросли – «музыкальных террористов» Sonic Youth и адептов гранджа Pearl Jam (с последними Нил записал совместный альбом).

С полной уверенностью можно сказать, что Нил Янг – один из авторов священных заповедей Рока, по которым живет нынешнее поколение музыкантов. Стало доброй (и весьма мрачной) традицией приводить в качестве жизненного императива Янга строчку одной из его песен: «Лучше быстро сгореть, чем долго тлеть», которую процитировал в своей предсмертной записке Курт Кобейн. И хотя автор этих грозных слов своим девизом их никогда не считал, лидер группы Nirvana был очень дорог Нилу как музыкант и друг, и, узнав о смерти «брата по гитаре», он посвятил Кобейну альбом «Sleeps With Angels».

История Нила Янга – это и затяжная борьба с воротилами музыкального шоу-бизнеса, привыкшими видеть артиста заведенным на века аппаратом по выпуску однотипных пластинок. В 80-е годы начавший медленно сходить с ума от того, что каждый новый альбом Янга принадлежал к совершенно новому стилю, глава рекорд-компании «Geffen Records» подал на Нила в суд за «некоммерческий характер выпускаемой музыкальной продукции», не похожей на предыдущие работы Янга, – чем не комплимент настоящему художнику?!

Твердо уверенный в себе и собственном музыкальном курсе, Нил никогда не шел на поводу у публики, отчего неоднократно терял (или менял) аудиторию. Нетрудно понять людей, которые отказывались признавать альбом с электронными поп-коллажами, будучи фанатами фолка или тяжелого рока. Однако почти не пересекающиеся друг с другом музыкальные стили таинственным образом сплетаются в голове Янга, каждый раз порождая на свет все более неожиданные произведения.

Борьба Нила Янга продолжается и сейчас, когда ему 60. И говорящая фамилия Нила (англ. young – «молодой») – яркое тому подтверждение. Глядя на Нила сегодняшнего, слушая его песни и выступления, понимаешь, что в душе это все тот же 20-летний парень, приехавший в Калифорнию на обшарпанном катафалке и искренне верящий, что сумеет сделать этот мир лучше. А значит, – у него нет времени, чтобы останавливаться и смотреть назад.

Дмитрий Казанцев, музыкант, группа Dr. Nick:

«Я узнал про Нила Янга от своих американских друзей, с которыми мы выступали много лет назад. Все они в один голос говорили, что Нил – гений, и что его влияние на музыкальный мир сравнимо с влиянием Боба Дилана (а если человек в нашей тусовке того времени не ценил Дилана, с ним просто не общались). Началась моя любовь к Янгу, конечно, с альбома «Harvest». Постепенно я начал «въезжать» не только в песни Нила, но и квартета CSN&Y (да и в другие американские группы подобного фолк-рокового плана). Получилось так, что Янг и компания перевернули всю мою жизнь и пристрастия. До этого я, как и все совковые дурачки, называющие себя меломанами, считал, что рок – это только Англия и ничего больше, пока не столкнулся с музыкой Янга и фолк-движения американской сцены. Теперь я собираю совсем другие пластинки. Что уж говорить, если даже альбом «Dark Side of the Moon» Pink Floyd – это вариации на тему «Down by the River» и других песен Нила, – в половине песен с этого альбома «флойдов» гармонии почти совпадают с янговскими. Интересно еще и то, что, слушая Нила, я почти не замечаю, что он местами фальшивит, не всегда точно и ритмично играет на гитаре. Свою звуковую «грязь» и неточности он сумел превратить почти в достоинства, – и это удивительно. Мелодии Янга – это что-то очень мощное и убедительное. Слова – тоже, но я знаю людей, которые не разбирают слов, но все равно поражены эффектом такой подачи музыкального материала. Я не фанатик Янга, его работы 80-х мне не нравятся, кое-что режет слух и в 90-х. На мой взгляд, Нил зря лезет в тяжелый рок-звук; по-моему, его настоящее призвание – это фолк и кантри. Не могу сказать, что я взял у него что-то в манере игры, уж больно она своеобразная. Но когда я пишу свои песни, я ловлю себя на мысли, что гармонии Янга всегда в моей голове, они помогают мне развивать определенные идеи, хотя я работаю в более блюзовом ключе, чем Нил.

Моя личная «лучшая десятка» альбомов Янга выглядит так: «Neil Young», «Everybody Knows This Is Nowhere», «After the Gold Rush», «Harvest», «Long May You Run», «Comes a Time», «Harvest Moon», «Silver & Gold», «Are You Passionate?», «Prairie Wind». Это *идеальные* альбомы целиком, на мой взгляд. Без дури, грязи и паранойи (а у Нила были и такие настроения). На самом деле не так уж много в мире музыкантов с таким количеством качественного материала».

Василий К., музыкант:

«Осенний вечер, год, кажется, 1996-й. Стокгольм, некий бар. Мы с басисткой Майей Стенрам, отыграв сет, сидим у стойки и пьем „Гиннес“. Я комментирую песню „Heart of Gold“, которая звучит по радио:– Ну, вот не понимаю я, чего вы все так от него претесь. Здоровенный мужик с красной рожей таким тооненьким голосочком блеет размазную всякую... – Тебе не нравится Нил Янг? – Майя иронически улыбается, но, будучи очень типичной шведкой, не спорит и ничего не пытается доказать. В ту же ночь мне был сон: Янг в шахтерской каске с фонарем на лбу ползет по какой-то шахте: „I’ve been a miner for a heart of gold“. Звук и слово попали в организм и начали свою работу... Кто-кто? Нил Янг? А, это который саундтрек к „Мертвецу“ написал? Написал, написал, было дело такое. Интересно, как часто он сам об этом вспоминает. Знаешь, можешь верить, можешь – нет, но он много чего еще написал за свои 40 лет на сцене (если считать точкой отсчета его работу с Buffalo Springfield). Что-то из этого имеет значение и вес только для упертых фанатов вроде меня, но многое и многое позволило ему занять место рядом с Бобом Диланом, Джоном Ленноном и другими – теми, кто превратил рок-н-ролл из тинейджерской трясушки и способа подразнить родителей в самое яркое, мощное и важное культурное явление прошедшего века... Когда какой-нибудь журнал типа „Uncut“ или „Guitar Player“ публикует очередной Top-100 самых важных акустических или электрических гитарных работ, или опрашивает нынешних героев на предмет влияния, – без Янга там не обходится. При этом я почти уверен, что в Гнесинку или даже в Мурманское музыкальное училище он бы не поступил, – медленно играешь, сказали бы ему, коряво и грязно. Он может звучать интеллигентно и тонко, не будучи интеллектуалом (что, наверное, спасает его от заумности), а может говорить прямо, в простейших словах и звуках, и это не будет банальностью и трюизмом. Если ты слушаешь и поймешь песню „Let’s Roll“, написанную от лица пассажира того самого самолета 11 сентября, или недавний альбом „Greendale“ – концептуальную рок-повесть вроде бы про простую жизнь простого американца, тебе будет куда легче при случае такого вот американца понять и принять...»

(Из статьи Василия К. «Нил Янг. Человек месяца» // журнал FUZZ №11/2005. Печатается с любезного разрешения автора).

Начало: путь борьбы

Нил Персиваль Кеннет Роберт Рэглэнд Янг родился в Торонто 12 ноября 1945 года. Стремление к творчеству передалось Нилу по наследству от отца, – знаменитого уже в то время спортивного журналиста и писателя Скотта Янга, написавшего около 40 книг (Нил, наверное, за всю свою карьеру выпустил не меньше альбомов). Отец в первые годы был защитником и учителем физически слабого мальчугана. Благодаря отцу состоялось и первое знакомство с музыкой. Однажды на рождество Янг-старший подарил сыну гавайскую гитару. Нил был очень удивлен, когда узнал, что отец неплохо на ней играет. Скотт сыграл сыну песенку «Fido Has Fleas» и научил трем аккордам – G, C и D, сказав, что все остальное – это уже история музыки.

Через много лет, когда отца уже не станет, в одной из своих песен Нил с ностальгией вспоминал былые деньки:

Когда я был мальчишкой,
Подпрыгивал на отцовской коленке,
Папа брал старую гитару и пел
«Похорони меня в пустынной степи».
Дядя Боб садился за пианино
Кузины пели песни
То были старые добрые семейные времена,
Сильно повлиявшие на меня...

Скотт Янг оказал очень сильное воздействие на Нила и в литературном плане. Он часто говорил сыну: «Даже если думаешь, что тебе нечего написать, просто сядь и смотри, что происходит вокруг тебя, и не осуждай это. Не редактируй. Просто пиши». Этот урок Нил усвоил очень хорошо. В его дальнейшей музыкальной карьере никогда не было слишком длительных периодов молчания. Конечно, были времена, когда он писал совершенно неоднозначную музыку, – но писать не переставал никогда. Он всегда прислушивался к тому, что происходит вокруг, чем дышит музыкальная культура в данный момент, и отзывался на эти веяния альбомами, в которых толковал собственное видение того, чем в данный момент живет музыкальный мир. Как и учил отец, он не осуждает и не редактирует, – просто пишет.

Однако не все было гладко в жизни юного дарования. Несчастья посыпались на голову Нила с раннего детства. В возрасте шести лет во время купания он подцепил вирус полиомиелита (в Канаде тогда бушевала эпидемия), и перенес болезнь с большим трудом. После его возвращения из больницы родители ужаснулись, – их когда-то пухлый сынок стал настоящим скелетом, которому пришлось буквально заново учиться ходить.

Когда Нил более или менее оправился от недомогания и стал изучать подаренную отцом желанную гитару, Скотт Янг объявил о том, что уходит из семьи. Боб, брат Нила, остался жить с отцом, а Нилу досталась судьба «маменькиного сынка». Развод родителей нанес 13-летнему парню неизлечимую душевную рану. Психологи уверенно утверждают, что детям, на глазах у которых разводятся родители, в будущем очень редко удается сделать стабильной личную жизнь. Надо заметить, что не только в личной, но и в последующей творческой жизни Янга все шло отнюдь не гладко.

В юношестве Янг был изгоем среди ровесников. Слабый здоровьем ребенок вынуждал родителей менять место жительства в пользу более благоприятного климата, и, переезжая с матерью из города в город, постоянно не вписывался в компании учеников очередной школы, где ему приходилось учиться. Из-за его вечной молчаливости и угрюмости ровесники

не давали Нилу прохода. Но они не знали, с кем имели дело. В интервью Камерону Кроу Янг вспоминал, как он боролся за свои юношеские идеалы:

«Один парень уселся напротив и сбросил с моего стола локтем все учебники, причем сделал это несколько раз. Наверное, на мне была одежда не того цвета, или что-то вроде того. Может быть, я выглядел слишком «маменькиным сынком» для них.

Как бы то ни было, я подошел к учителю и попросил дать мне словарь. Впервые я разбил лед в отношениях и попросил что-либо впервые за время моего пребывания в этом чертовом месте, – все думали, что я вообще не умею говорить. Итак, я взял словарь, – знаете, такой большой словарь Вебстера, с выемками для пальцев на каждой букве. Я вернулся за стол, полистал его немного, потом встал, поднял словарь над головой как можно выше и со всей силой шандарахнул парня, сидящего напротив меня, по башке. Парень вырубился... Да, потом меня выгнали на полтора дня из школы, но я дал знать им, что я собой представляю. Это путь борьбы. Если собираешься драться, ты должен уничтожить соперника, кем бы он ни был. Или не дерись вообще».

Султаны рок-н-ролла

Как и многие его ровесники, Нил был очарован магией расцветающего в те годы рок-н-ролла. То был конец 50-х, – легендарная эпоха, первые пластинки-сорокопятки, дискотеки и радиохиты, время расцвета Элвиса Пресли, Чака Берри и иже с ними. Юный Нил пришел к выводу, что единственным приемлемым для него способом излить израненную душу будет карьера рок-музыканта. Это не было временным увлечением, – он решил раз и навсегда. Будущее казалось юному гитаристу розовой сказкой под бодрые рок-н-роллы Элвиса.

Перебравшись вместе с матерью в канадский городок Виннипег, Нил собрал и возглавил музыкальный коллектив The Squires, основную часть репертуара которого составляли инструментальные композиции их тогдашних кумиров The Shadows. Гитарист «Теней» Хэнк Марвин новаторской манерой использования тремоло на электрогитаре покориł юного Нила, который сделал этот прием впоследствии одним из своих «фирменных знаков».

Местный диск-жокей, проникнувшись музыкой молодой группы, предложил The Squires записать пару композиций. Результатом сессии стал инструментальный экзерсис «The Sultan», сделавший The Squires рок-звездами местного значения, – это был один из первых невинных опытов Янга в написании песен. Знал ли Нил в том далеком 1963 году, что через 40 с лишним лет найденная кем-то в закромах пластинка «Султан» на Интернет-аукционе уйдет за 3,4 тыс. долларов?

Те ранние сессии включали написанные под сильным влиянием The Shadows композиции «Mustang», «I'll Love You Forever», «White Flower» (посвященную убийству Кеннеди) и «Ain't It the Truth» (разухабистую версию которой Янг через много лет включил в сборник «Lucky Thirteen»).

Мать всячески старалась помогать Нилу, купив ему на собственные сбережения усилитель, а позднее – катафалк, окрещенный «Mort» («Понтиак» стал любимой автомобильной маркой Янга на всю жизнь), на котором юный музыкант развозил аппаратуру группы. Скотт Янг не желал слушать о музыкальных увлечениях сына: «Когда твои оценки в школе улучшатся, тогда и поговорим об этом», – писал ему беглый отец. Но Нила занимали вовсе не школьные табели.

Трудный характер Янга, лидера по натуре, и щепетильность в выборе партнеров по музицированию проявилась уже в те годы. «Я всегда был уверен, что смогу найти кого-то другого, у кого такие же пристрастия, как и у меня, – вспоминал позже Янг. – Если кто-то не мог ко мне приспособиться, я знал, что должен велеть ему уйти. Я делал много пакостей людям и потерял много друзей, особенно в начале пути, чтобы достичь того, что имею сейчас. Меня не мучила совесть из-за того, что я должен был делать. Не было другого способа обходиться с тем, что стояло у меня на пути. Я слишком сильно разогнался».

Зависнув на некоторое время в местных фолк-клубах, Нил открыл для себя Боба Дилана и заболел фолком. Поняв, что не меньшую роль в рок-музыке играют слова, Нил стал экспериментировать с поэзией, а также невольно перенимать некоторые манеры поведения Дилана на сцене. В одном из фолк-клубов Нил встретил начинающую певицу Джони Митчелл, дружба с которой не прерывалась долгие годы.

В конце 1964 года Нил Янг перебрался в Онтарио, где стал постепенно утяжелять свой саунд и предаваться радости игры в некое подобие хард-рока. В одном из местных клубов выступал юный гитарист, автор песен и певец Стивен Стиллз с фолк-группой The Company, который был совершенно очарован игрой Янга, исполнявшего традиционный фолк в бодром ритме рок-н-ролла. Нил в свою очередь был в восторге от вокала и собственного музыкального материала Стивена. Однако на первом этапе знакомства все ограничилось ненавязчивым

общением «братьев по разуму», – творческий союз двух монстров фолк-рока еще только маячил на горизонте.

Не получив желаемого творческого удовлетворения и оваций, недовольный игрой с попадавшимися ему на пути музыкальными коллективами, почти отчаявшийся Нил вернулся в Торонто, где ни воссоединение The Squires, ни попытки начать сольную карьеру не возымели никакого ощутимого результата. Одна из местных газет назвала выступление Янга набором клише, что ввергло его в еще более глубокую депрессию. Под воздействием мрачных мыслей Янг написал странную песню «Nowadays Clancy Can't Even Sing», посвященную его школьной знакомой. Песня ужасно понравилась промышлявшему игрой на гитаре давнему приятелю Янга Ричи Фюрею глубоким ощущением отчаяния и совершенно непонятным (то есть максимально психоделичным) текстом. Чуть позже Фюрей, переманенный Стивеном Стиллзом в Калифорнию играть в его новом коллективе, прихватил с собой на всякий случай песенку Янга. Как оказалось впоследствии, не зря.

Нил же остался на распутье, создав в качестве временного пристанища группу The Mynah Birds, где играл его старый приятель Брюс Палмер. В состав коллектива входил «черный Мик Джаггер» Рики Джеймс Метьюз (впоследствии обретший известность как звезда фанка Рик Джеймс). «Я помню наше первое выступление, – вспоминал через много лет Рик. – Когда Нил принялся за свое первое соло, он был так возбужден, что спрыгнул со сцены, его гитара отключилась, и никто не услышал ни звука...».

Однако группа имела некоторый успех и даже было вступила в переговоры со звукозаписывающей компанией «Motown Records», но внезапно «черного Джаггера» арестовали за уклонение от службы в армии, и оставшиеся без вокалиста и без денег Янг с Палмером, продав все оборудование, приобрели на вырученные деньги новый катафалк «Понтиак», окрещенный «Mort II», – на нем они планировали отправиться на поиски счастья. Чтобы найти свою судьбу, музыкантам пришлось нарушить законодательство: не имея соответствующих документов, двое странников незаконно пересекли границу так и не понявшей своих героев Канады и отправились в Калифорнию.

Солдаты Buffalo

Встреча Нила Янга со Стивеном Стиллзом в Калифорнии, ставшая судьбоносной для обоих, со временем обросла легендами. Действительно, трудно представить, как складывалась бы судьба Янга, вернись он обратно в Канаду. А ведь они с Палмером, окончательно потеряв веру в судьбу, уже собирались повернуть назад, бесцельно поблуждав несколько дней по Лос-Анджелесу и не найдя ничего и никого, что могло бы улучшить их положение на музыкальном небосклоне. Развернув свой катафалк обратно и выворачивая на шоссе, по которому они приехали в сулящую славу Калифорнию, измученные путники неожиданно столкнулись со Стивеном Стиллзом прямо посередине дороги.

Стивен, узнавший фирменный катафалк Янга, позвал старых друзей к себе, по дороге возбужденно рассказывая, как ему понравилась песня Янга «Nowadays Clancy Can't Even Sing», и в домашней обстановке спел им свою версию мрачной янговской баллады. Депрессия странников сменилась творческим подъемом, сомнений быть не могло: Янгу и Стиллзу нужно срочно организовывать совместную группу. Ричи Фюррей был назначен ритм-гитаристом, а Брюсу Палмеру досталось место за барабанами.

Как вспоминал Фюррей, на улице, где они поселились, очень часто укладывали новый асфальт (он там почему-то долго не держался), и из окна постоянно были видны огромные асфальтоукладочные катки с большими надписями на боку «Buffalo Springfield». Не мудрствуя лукаво, именно это название и решили дать новоиспеченному музыкальному коллективу. Вместе с названием в коллективе появился барабанщик Дьюи Мартин, которого выбрал Янг, – не только потому, что Дьюи тоже был канадцем, но и за то, что тот играл с самим Роем Орбисоном, – одним из кумиров Янга того времени.

Buffalo Springfield стали завоевывать клубную аудиторию, играя совершенно новый вариант фолк-музыки – с электрическим уклоном в рок-кантри-психоделию, – именно то, что так понравилось Стиллзу в игре янговской группы The Squires. Группа стала выступать на разогреве у The Byrds в клубе «Whiskey A GoGo» – самом, пожалуй, горячем месте Лос-Анджелеса той поры. «Это был центр рок-н-ролла в очень напряженный период истории: там бывали такие личности как Заппа и The Doors, но Buffalo Springfield – и все это чувствовали – были самыми дикими, лучшими, самой роковой группой из них всех», – вспоминал рок-журналист Доменик Прайор. Местная пресса окрестила Buffalo «самой красивой и талантливой группой, появившейся со времен The Beatles», а Янг за необычные черты лица получил прозвище «Индеец». Против последнего прозвища (да и первого, надо полагать) он не возражал, поскольку все детство провел за просмотром вестернов и не раз с гордостью подчеркивал, что в его жилах есть пара капель индейской крови.

Что и говорить, по сравнению с творческой неудовлетворенностью на родине, пребывание в Калифорнии было просто сказкой. Однако идиллические представления Янга о творчестве вдали от мирской суеты здесь потерпели полный крах. Став полноправным членом «модной» музыкальной тусовки, Нил помимо собственной воли стал все активнее вовлекаться в так называемую «drug-culture», а ведь известно, что в 60-е годы избежать наркотиков – и не только в творческой среде – было практически невозможно. Эпоха хиппи, несмотря на всю свою жизнерадостную концепцию, сделала чудовищный пиар наркотикам как самому популярному (и почти необходимому) средству общения – не только с мировым разумом, но и с окружающими людьми. Как это ни печально, но именно наркота и нанесла один из первых ударов коварной Ржавчины, пристально следившей за судьбой Янга на протяжении всей его жизни.

Как-то раз, прогуливаясь по Лос-Анджелесу слегка под кайфом, Янг и Палмер остановились у лотка, рассматривая в толпе зевак забавное представление. Внезапно Янг перестал осознавать, что происходит вокруг, а через несколько мгновений обнаружил, что лежит на земле,

содрогаясь в конвульсиях. Это был первый приступ эпилепсии, ставшей постоянной частью его жизни. Доктора, к которым обратился юный музыкант, дружно кивали на перенесенный им в детстве полиомиелит, подогретый воздействием наркотических препаратов, настоятельно рекомендуя отказаться от модного поветрия.

Болезнь принесла и новый, отразившийся на творчестве опыт. Испытываемые во время припадков ощущения оказались намного сильнее и явственнее, чем наркотические галлюцинации. Подчас после припадков Нил долго не мог вспомнить, кто он такой и как его зовут, и приходил в себя очень медленно (и, судя по всему, с явной неохотой). В одном интервью Нил поделился своими ощущениями во время этих приступов, назвав их «очень психоделическим опытом»: «Ты переносишься в некий другой мир. Тело падает, ты прикусываешь язык и бьешься головой об пол, но разум находится где-то в ином месте. Единственная страшная вещь во всем этом – осознание того, что тебе полностью комфортно в этой... пустоте. И это настолько шокирует, что тебя мгновенно выбрасывает назад, в реальность».

Несмотря на ежедневно принимаемые лекарства и отказ (по крайней мере, попытки отказа) от наркотиков, свет софитов и шум народных толп на концертах часто служил новым поводом для приступов. Группа приспособилась к этой особенности гитариста, и на концертах ребята старались сгруппироваться так, чтобы вовремя подхватить Нила, если тот упадет, или хотя бы не дать разбиться его гитаре, громко крича техникам, чтобы те вырубили свет. Иногда первые симптомы приступов настигали Нила под конец шоу, во время исполнения им финальной песни концертной программы Buffalo (которой традиционно была «Mr. Soul»). После этой песни члены группы уносили Нила практически на руках, и публика думала, что это часть концертного выступления.

«Летать по земле – неправильно»

Одной из особенностей Buffalo Springfield было то, что в группе находилось два соло-гитариста (и, следовательно, два лидера) – Стивен и Нил. «Люди не могут понять, как двое могут играть на лидер-гитаре в группе и не грызться друг с другом по этому поводу, – вспоминал Янг в интервью Камерону Кроу. – Мы испытывали общее уважение к музыкальному партнерству и выискивали самое лучшее друг в друге».

Вполне естественно, что лидерство в группе тоже заметно раздваивалось. И как бы идилично Янг ни представлял положение в группе в те времена, соперничество между ним и Стивеном, конечно, было. Несмотря на явный талант Стиллза как вокалиста и композитора, творческие способности скромного Янга лезли буквально из всех щелей. Было очевидно, что «группой Стиллза» (как Стивен того хотел) Buffalo не будет никогда. И хотя численно песни Стиллза превосходили небольшой набор Нила, на счету у Янга были более глубокие и неординарные по структуре и аранжировкам песни.

После записи первого сингла группы, на заглавной стороне которого должна была стоять песня Стиллза «Go and Say Goodbye», а на Б-стороне – янговская «Nowadays Clancy Can't Even Sing» (с вокалом Ричи Фюрера), всем стало ясно, что песня Нила настолько хороша, что вполне заслуживает стороны «А». Все это, несмотря на крепкую дружбу Янга и Стиллза, ужасно злило последнего, стремившегося быть единственным лидером в команде. Противостояние усиливалось по мере записи дебютного альбома, однако Стиллз вырвался вперед с песней «For What It's Worth», посвященной бунту против закрытия музыкальных клубов в 1966 году. Песня поднялась на 7-е место в списке лучших синглов США и стала популярной среди хиппарей песней протеста.

В группе Янгу было отведено место ведущего гитариста и автора песен, и, помимо угнетаемого эго прирожденного лидера, причиной его переживаний был собственный вокал (впрочем, те же сомнения насчет самого себя были и у Стиллза). Еще во времена The Squires звуко-режиссер, работавший с ними над синглом, самоуверенно заявил Нилу: «Парень, ты хороший гитарист, но никогда не будешь певцом». Несложно догадаться, как болезненно отреагировал на это скромняга Янг. Поэтому его песни в Buffalo на первых порах большей частью исполнял Ричи Фюрер, – чувственный, нежный и чарующий вокал Янга был оценен по достоинству лишь на следующих альбомах.

Но не только собственный голос беспокоил Нила в то время (да и остальных участников группы, нечасто до этого сталкивавшихся с процессом звукозаписи). Он был очень недоволен тем звуком, который слышал на студийных записях команды. С ранних лет фанатично относящийся к звучанию собственной группы Янг очень сильно удивлялся, почему песни, которые вживую и на репетициях звучали одним образом, в студии получались совершенно другими. В интервью Нику Кенту он признавался: «Реальным ядром группы были трое канадцев – я, Брюс Палмер и Дьюи Мартин. Мы играли всегда вместе, тогда как Фюрер и Стиллз были в стороне. Потому что мы всегда попадали в настроение песни, и это было единственным, что нас волновало. Однако стоило нам прийти в студию, настроение уже было не то. И мы не могли понять, почему. Это в первую очередь и расстраивало меня как молодого музыканта, это буквально портило мне жизнь. Buffalo Springfield должны были записываться живьем с самого начала. Все студийные записи оказались неудачными, как я и опасался».

Недоволен саундом был не один Янг: все члены группы пытались уговорить боссов звукозаписывающей компании дать им возможность перезаписать заново дебютный альбом. Однако продюсеры отговорили их от этой заведомо убыточной затеи, и в январе 1967 года альбом «Buffalo Springfield» появился на прилавках. Тепло встреченная музыкальной прессой пла-

стинка относительно неплохо продавалась, хотя и не добралась до вершин американских чартов.

Конечно, как подавляющее большинство музыки 60-х, альбом был написан под сильным влиянием The Beatles. Изданная в первом тираже альбома веселая песенка «Baby Don't Scold Me» внезапно демонстрировала знаменитый битловский рифф из «Day Tripper», прерываемый то ли воплем экстаза, то ли истеричным смехом (в последующем издании эта песня была заменена на «For What It's Worth»).

Янг внес здесь и свой вклад в копилку пробитловских любовных песенок-побрякушек: его именем были подписаны песни «Do I Have to Come Right Out and Say It» и исследующая природу популярности очередная горестная баллада «Out of My Mind» («Все, что я слышу – это крики с той стороны лимузина...»). Песни Стиллза, такие как «For What It's Worth» и «Sit Down I Think I Love You», исполненные мелодизма, граничившего с маккартниевским, тоже были на высоте (а первая, выпущенная синглом, вообще взорвала хит-парады).

Подлинным украшением альбома стала песня Янга «Nowadays Clancy Can't Even Sing», изысканно аранжированная и украшенная страдальческим вокалом Ричи Фюрея. Из собственной коллекции пессимистичных баллад Янг вынес на суд музыкальной общественности «Flying On the Ground Is Wrong» и «Burn» (последнюю он решился-таки спеть сам, «прикрывшись» поддерживающим хором коллег). Такой безысходности, как в ранних песнях Янга, не встречалось в его стихах, пожалуй, еще очень долго, – вплоть до депрессивного периода середины 70-х.

Разве не рушится мой мир?
Я на земле, разбит на осколки.
Мои глаза закрыты,
Я стою на коленях.

Но если плакать и цепляться,
И летать по земле – неправильно,
То прости, что расстроил тебя,
Ведь ты из моего городка,
И я скучаю по тебе.

Flying On the Ground Is Wrong

Выжженный дотла, стою твердо на земле.
Я познал, как больно падать вниз.
Ни к чему бежать, и нет времени оставаться.
Я понял, как это бессмысленно.
Времени не осталось, и я знаю, что проигрываю,
Вспыхнул и, похоже, падаю вниз.
Разбит, и не могу уловить ни звука...

Burn

Обе песни традиционно трактуются критиками как осмысление наркотического опыта – и однозначное осуждение его. Однако Янг всегда неопределенно высказывался по поводу смысла своих текстов и данную трактовку, как правило, отрицал. Осуждение наркотиков – и Нил осознавал это – отдалило бы его не только от коллег по группе, но и от признававшей Янга за своего контркультурной прослойки и прилепившегося к ней шоу-бизнеса, которые «подсели» на наркоту в такой же степени, в какой подсадили и своих подопечных исполните-

лей. «Нил Янг был первым человеком, поднявшим бунт внутри молодежной культуры, – пишет критик В. Соловьев-Спасский. – Пойти против ЛСД значило пойти против основы основ культуры хиппи, против общественного мнения. Как минимум, это было очень немодно».

Однако оппозиция контркультуре не сделала Янга проповедником здорового образа жизни. Ничего не утверждая и не отрицая, Нил постоянно обращался к этой теме на протяжении творческого пути. Наркотики, унесшие жизнь многих друзей и коллег Янга, не отпускали его никогда, – если не на физическом уровне, то, по крайней мере, на психологическом.

Помимо творческих сомнений, судьба преподнесла Янгу и остальным членам группы проблемы, далекие от творчества. Как известно, после каждого «кайфа» наступает «ломка» – и первой такой ломкой стало осуждение Брюса Палмера за хранение марихуаны и его депортация в Канаду в 1967 году. Приход на место барабанщика Джима Филдера из группы Blood, Sweat & Tears стал первым признаком разложения коллектива.

Во время записи второго альбома в группе непрерывно росло недовольство исполняемым материалом, концертами и – естественно – друг другом. Янгу очень не нравилась идея выступать на поп-фестивалях, которые он считал «унизительными» для серьезной группы, убежденный, что на подобных «сборных солянках» собственно музыку группы никто не слышит.

Но дело было не только в концертах. Душевное состояние Янга в те годы было далеко от идеального. Это был период краха юношеских иллюзий, лобовое столкновение с гнилой сущностью мира шоу-бизнеса, который раскрывался перед ним все бесстыднее с каждым днем пребывания в «Городе Ангелов». Молодого Нила совсем не радовали такие сопровождающие рок-н-ролл явления как вездесущие полчища девочек-группиз, обязательные как воздух наркотики, далекие от порядочности менеджеры (которые, кстати, были уволены во время записи второго альбома) и нескончаемые перепалки внутри группы – как творческого, так и личного характера. «Эти странные люди постоянно сновали вокруг... – вспоминая, жаловался он Нику Кенту, – предлагали травку, пытались продать хипповые прикиды... Я никогда не знал, чего эти люди на самом деле от меня хотят. И их было так много! Не говоря уже обо всех этих женщинах... всех этих клубах, местах, куда надо было идти, и всего, что надо было сделать... Меня постоянно преследовали мысли: как мне втиснуть себя во все это? По нраву ли мне это вообще?». Несложно понять, почему существование внутри эпилептических видений казалось ему более приемлемым, чем окружающая реальность «рок-н-рольного образа жизни».

Типичный творческий (да и просто человеческий) эгоизм, разрушивший не одну гениальную группу, медленно вел к разрушению и Buffalo Springfield, хотя подсознательно и Янг, и Стиллз понимали, что, несмотря на все передраги, «химия внутри группы» – самое ценное, ради чего они терпят друг друга.

Несмотря на напряжение, царившее в студии во время записи второго альбома, созданный при довольно скудных студийных возможностях того времени и вышедший в декабре 1967 года альбом «Buffalo Springfield Again» показал потрясающий рост музыкантов за относительно небольшой промежуток времени (меньше года). Альбом получил очень широкое признание даже за пределами Штатов и позже был признан критиками одним из величайших альбомов в рок-истории.

Альбом украсили баллада Янга «Expecting to Fly», оригинально аранжированная его другом Джеком Ницше, грозная считалка «Mr. Soul» с явным заимствованием гитарного риффа из «Satisfaction» The Rolling Stones, а также эпический коллаж «Broken Arrow» с излюбленной «индейской» тематикой. Несмотря на явное (а возможно, и сознательное) музыкальное подражание, «Mr. Soul» со странными (и типичными для Янга) стихами посвящалась, по словам автора, девушкам-группиз, и была проникнута ощущением непонимания этой редкостной породы женщин.

Я был хмур, когда посланник мне принес письмо,

И был несказанно польщен тем, что расстроил ее.
Любая девушка способна была узнать меня лучше,
А она сказала: «Ты странный, и оставайся таким»... и я отпустил
ее.

Когда развал группы стал очевиден (но еще не был подтвержден официальными заявлениями), Янг уже занимался собственными музыкальными проектами и готовил материал для сольного альбома. Союз с молодым и колоритным звукорежиссером Джеком Ницше, работавшим до этого с The Rolling Stones и Isley Brothers, был для Нила необходимой отдушиной, и авансом Джек был избран звукорежиссером будущего альбома Янга.

Последней каплей в бездонной чаше терпения Нила стало предложение остальных участников группы выступить на шоу комика Джонни Карсона. Убежденный, что из группы пытаются сделать посмешище, Янг окончательно отгородился от коллег и отказался участвовать в выступлениях группы вообще. На поп-фестивале в Монтерее место гитариста в Buffalo Springfield занял Дэвид Кросби из знаменитых The Byrds. Однако, хотя контрактные обязательства вынуждали Нила участвовать в концертах, тяжелый график выступлений (подчас по два-три шоу за день) и растущее напряжение (в том числе связанное с близящимся банкротством коллектива) привели к учащению припадков у Янга, в том числе прямо на сцене, что было, конечно, недопустимо.

Прощальное выступление группа дала на «родине» – в Лос-Анджелесе. Через три месяца после распада группы вышел их последний, третий альбом «Last Time Around» (1968). Бас-гитаристом и продюсером пластинки стал Джим Мессина. Альбом, скорее, был выполнением контрактных обязательств музыкантов, чем стремлением внести творческий вклад в музыкальную историю. В альбоме было три песни Янга: любовные посвящения «On the Way Home», «It's So Hard to Wait» и любимая многими трогательная баллада «I Am a Child», которую он впоследствии часто исполнял на концертах.

«Когда мы были вместе, мы были уверены, что это продлится лет 15. Мы и вправду думали, что будем играть вместе очень долго, потому что осознавали, как хорошо это было...», – ностальгически вспоминал Янг.

Хотя Buffalo Springfield просуществовали относительно недолго, их вполне можно назвать одним из влиятельнейших музыкальных коллективов Америки конца 60-х. К тому же, группа стала неплохим трамплином для карьеры всех ее участников. После распада группы Ричи Фюррей и Джим Мессина организовали недолго просуществовавшую (но довольно интересную) группу Росо, два участника которой – Рэнди Мейснер и Тимоти Шмидт впоследствии вошли в состав небезызвестных The Eagles. Сам же Фюррей впоследствии избрал путь религии, не забывая про музыку.

Для Янга же, помимо обретенного (подчас неудачного) музыкального и жизненного опыта, Buffalo стали еще и основой для дружбы со Стивеном Стилзом, вместе с которым ему было суждено войти в блистательный квартет Crosby, Stills, Nash & Young.

Тени на склонах каньона Топанга

Стремясь уединиться «вдали от шума городского», после ухода из Buffalo Springfield Нил купил дом неподалеку от гигантского каньона Топанга. Здесь он планировал собраться с мыслями и с головой окунуться в сольное творчество.

Каньон Топанга – поистине райский уголок в тридцати километрах от Голливуда, утопающий в зелени и привлекавший своими чудесными пейзажами огромное количество музыкантов и просто хиппующего люда: Рэмблин Джек Элиот, Линда Ронстадт, Тадж Махал, Canned Heat и многие другие. Местом совместных джемов стал маленький клуб «Топанга Коралл», в котором, помимо упомянутых знаменитых жителей окрестностей, частыми гостями были Дженис Джоплин, Альберт Коллинз и другие будущие иконы блюз-рока. Именно там Янг встретил и впервые попробовал сыграть вместе с членами группы Crazy Horse (тогда они назывались The Rockets), которым суждено было стать в будущем его верными аккомпаниаторами. Этому клубу Янг был обязан и победой на личном фронте, – именно там состоялась встреча с красавицей Сьюзен Асевало, ставшей его законной супругой в 1968 году. Мечта Янга о надежности и семейном уюте полностью воплотилась в этой женщине, которая стала хранительницей его казавшегося идиллическим домашнего очага.

В числе хиппующего люда, оккупировавшего каньон Топанга, прибежище себе здесь нашли и довольно странные личности. Одним из необычных пришельцев был только что выпущенный из тюрьмы Чарльз Мэнсон, обосновавшийся со своей «семейкой» недалеко от дома Янга и шатавшийся по каньону с гитарой за спиной в поисках приключений. В тесных отношениях с Мэнсоном находился Дэннис Уилсон из Beach Boys, через которого Янг и познакомился с печально знаменитым маньяком во время совместного тура Buffalo Springfield и Beach Boys. Нил был в восторге от этого странного парня, поющего не менее странные песни. «Он был крут, – вспоминал Янг. – Он был нереален. Очень, очень хорош и даже пугающ». Часто в янговских описаниях Мэнсона мелькало слово «очаровательный». Что именно очаровало Нила: странность ли, чуждость ли окружающему миру, жутковатость ли внутреннего мира Мэнсона, которая, похоже, бросалась в глаза при самом шапочном знакомстве с ним, – это остается загадкой. Тот факт, что Мэнсона только что выпустили из тюрьмы, нисколько не пугал, а возможно, и привлекал Янга. Эллиот Робертс, его менеджер, однажды заметил, что Нил всегда питал слабость к «сложным людям». В память о знакомстве Нил подарил Мэнсону мотоцикл.

Янг и Мэнсон сблизились и на почве сходства музыкальных вкусов (оба в те времена тащились от кантри-идолов Хэнка Вильямса и Лефти Фризелла), а также на принципах построения музыкальных произведений: Мэнсон исповедовал еще более спонтанный стиль исполнения, чем Янг. «Он играл разновидность музыки, которую никто другой никогда не исполнял. Он садился, брал гитару и начинал играть, каждый раз по-новому исполняя песни, и это просто выходило, выходило, выходило из него... Потом он останавливался, и вы никогда больше не слышали того же самого снова... Мне казалось, что в музыкальном плане он уникален. Я думал, что в нем реально есть что-то сумасшедшее и великое. Он был как живущий поэт... Думаю, он был стоящим артистом. Не знаю, почему он сделал то, что сделал. Но, полагаю, он был очень расстроен тем, что не мог достичь [славы], – и обвинил во всем кого-то... Я не знаю, что случилось. Не знаю, что их заставило это сделать. Помню, вокруг него постоянно концентрировалось много энергии. И он был другим... Однажды увидев его, уже нельзя было его забыть... Было в нем что-то... чего я никогда не смог забыть...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.